

# Молодой великан

У одного крестьянина был сын, ростом с мизинчик. Он нисколько не рос и за много лет ни на волосок не вырос. Задумал однажды крестьянин в поле выехать пахать, а малютка-сын и говорит ему: «Батюшка, я хочу с тобою в поле». — «В поле? — сказал отец. — Нет, уж лучше дома оставайся; ты там ни на что не пригоден; того и гляди, еще потеряешься».

Тут начал малютка плакать, и, чтобы унять его плач, отец сунул его в карман и захватил с собою.

Выехав в поле, отец вынул его из кармана и посадил в свежевзрытую борозду.

В это время из-за горы вышла громадная великанша. «Видишь ли ты эту громадину? — спросил отец сына, и, желая на всякий случай припугнуть ребенка, добавил: — Вот она придет, да и возьмет тебя».

А великанша лишь переступила два шага, уж и очутилась рядом с бороздою.

Осторожно подняла великанша малютку двумя пальцами из борозды, внимательно его осмотрела и, ни слова не сказавши отцу, унесла его с собою.

Отец был при этом, но от страха не мог произнести ни звука; он счел своего сына погибшим и навек для себя утраченным.

Великанша унесла малютку домой и стала кормить его своею грудью; и вот малютка стал расти и крепнуть, как все великаны.

По истечении двух лет великанша пошла со своим воспитанником в лес, желая испытать его силу, и сказала ему: «Вытащи-ка себе из земли дубинку».

Мальчик оказался уже настолько крепким, что вырвал молодое деревце из земли с корнями.

Но великанша подумала, что это надо лучше делать, вернула его домой и еще два года кормила грудью.

При вторичном испытании силы мальчика возросли уже настолько, что он мог вытащить из земли старое дерево.

И это показалось великанше еще недостаточным, и она кормила его еще два года грудью.

Через два года великанша вместе с повзрослевшим мальчиком пришла в лес и сказала: «Ну-ка, вырви теперь себе порядочную дубину».

Тот шутя вырвал толстейший дуб из земли, так что треск кругом пошел. «Ну, теперь довольно с тебя, — сказала великанша, — теперь ты выучился!»

И повела его обратно на то поле, с которого его унесла. Отец юноши стоял на том поле за плугом.

Молодой великан подошел к нему и сказал: «Видишь, отец, каким твой сын молодцом стал?»

Крестьянин перепугался и стал отнекиваться: «Нет, ты мне не сын, не надо мне тебя — ступай себе». — «Ну, конечно же, я твой сын; пусти меня поработать, ведь я могу пахать так же, как ты, и даже, пожалуй, еще лучше тебя». — «Да нет же, нет, ты мне не сын, и пахать ты тоже не можешь, пойдешь ты от меня».

А между тем, испугавшись этого великана, он бросил плуг, отошел от него и присел в сторонке.

Тогда юноша принялся за плуг и надавил на него одною рукою, но напор был так силен, что плуг глубоко ушел в землю.

Крестьянин не мог на такую работу смотреть хладнокровно и крикнул ему: «Коли хочешь пахать, не напирай так сильно, не то испортишь все дело».

Юноша же, чтобы исправить свой промах, отпряг лошадей, сам впрягся в плуг и сказал: «Ступай себе домой, батюшка, да прикажи матушке приготовить какой-нибудь еды побольше, а я тем временем вспашу все поле».

Пошел отец домой и заказал жене приготовить сыну поесть. А юноша вспахал на себе все поле в две десятины величиною, а затем впрягся в две бороны и взборонил все поле.

Окончив эту работу, он пошел в лес, вырвал два дуба с корнями, положил их на плечи, да привесил на них спереди и сзади по бороне и по лошади, и понес все это, словно охапку соломы, к родительскому дому.

Когда он пришел во двор, мать не узнала его и спросила: «Кто этот страшный, громадный человек?» Муж сказал ей: «Да это сын наш». — «Нет, уж никак не сын — такого большого у нас не было; наш был маленький». И давай кричать сыну: «Ступай прочь, нам тебя не надобно».

Юноша на это ничего не сказал, поставил лошадей в стойло, задал им овса и сена. Все справив, вошел он в дом, присел на скамейку и сказал: «Матушка, мне бы теперь поесть хотелось — скоро ли будет у тебя готово?» Она сказала: «Сейчас!» — и внесла два большущих блюда — ими она с мужем дней восемь подряд были бы сытехоньки!

А юноша очистил их один, да еще спросил у матери, нет ли у ней еще чего-нибудь в запасе. «Нет, — отвечала мать, — тут все, что у нас есть». — «Да это меня только разлакомило, мне этого мало». Не решилась мать ему противоречить, поставила на огонь полнешенек котел свинины и, когда свинина сварилась, внесла котел в комнату. «Наконец-то перепадает мне и еще пара крошечек!» — сказал юноша, и весь котел опорожнил один; но и этого оказалось недостаточно.

Вот и сказал он: «Батюшка, вижу я, что тебе меня не прокормить; сделай ты мне железный посошок настолько крепкий, чтобы я его о колено переломить не мог, так я и пойду по белу свету счастья искать».

Отец был этому очень рад, запряг пару коней в повозку и привез от кузнеца железную палицу такой длины и толщины, какую могли свезти его кони. Юноша упер в палицу колено и — рраз! — сломал ее, как прутик, надвое и отбросил в сторону. Впряг отец две пары коней в повозку и привез на них палицу еще длиннее и толще первой. Сын и эту переломил о колено, отбросил и сказал: «Батюшка, эта мне не годится; запрягай коней побольше, привези мне палицу потолще».

Впряг отец четыре пары коней в повозку и привез такую большую и толстую палицу, какую четыре пары лошадей на себе свезти могли. Взял ее сын в руки, тотчас отломил от нее сверху кусок и сказал: «Вижу, батюшка, что ты не можешь мне добыть такого посоха, какой мне нужен».

Пошел он путем-дорогою и, стал всюду выдавать себя за кузнеца. Вот пришел он в деревню, где жил один кузнец; он был большой скряга, никому ничего не любил давать и все старался захватить в свои руки.

К нему-то и пришел наш молодец в кузницу и спросил, не нужен ли ему подмастерье. «Нужен», — сказал кузнец и, взглянув на него, подумал: «Здоровый детина — хорошим молотобойцем будет, не даром будет хлеб есть!» Потом спросил: «Сколько же ты хочешь получать жалованья?» — «Никакого мне жалованья не нужно, — отвечал тот, — а только каждые две недели я тебе буду давать два тумака, и ты их должен выдержать». Скряга был этим очень доволен. На другое утро пришлому кузнецу надо было впервые ковать; но когда хозяин вытащил из печки раскаленный брус железа, то молодец так

ударил молотом, что и железо разлетелось вдребезги, и наковальня ушла в землю. Тут скряга озлился и сказал: «Э-э, брат, ты мне не гош! Ты бьешь слишком грубо! Говори скорее, сколько тебе за этот один удар следует?» Молодец отвечал ему: «А вот сколько: дам я тебе самый легонький пинок, и больше ничего!» И дал легонько пинка ногою, так что скряга от того пинка через четыре стога сена перелетел. Затем он выискал себе в кузнице самый толстый железный брус и пошел далее.

Пройдя сколько-то, наш молодец пришел к фольварку и спросил у управляющего, не нужен ли ему старший рабочий. «Да, — отвечал управляющий, — мне старший рабочий может пригодиться, а ты смотришься здоровенным детиной, так сколько же ты хочешь в год жалованья?» Молодец и этому отвечал, что не требует никакой платы, а только желает дать ему три тумака, и он те тумак должен выдержать. Управляющий был очень доволен таким условием, потому что и он тоже был скряга.

На следующее утро рабочие должны были ехать в лес за дровами, и все уже встали, а наш молодец еще лежал на кровати. Тут и крикнул ему один из рабочих: «Вставай скорее, пора в лес ехать, и тебе надо ехать с нами». — «Ах, ступайте вы! — отвечал он им грубо и насмешливо. — Я все же раньше всех вас поспею».

Тогда рабочие пошли к управляющему и сказали, что старший еще не встал и не хочет с ними в лес ехать. Управляющий послал их еще раз его будить и приказать ему, чтобы он впрягал лошадей. Но тот отвечал то же, что и прежде: «Ступайте вперед! Я все же прежде всех вас поспею».

Затем он пролежал еще два часа в постели; наконец поднялся с перины, но сначала принес с чердака два мешка гороха, сварил себе кашу и преспокойно ее съел, и только тогда уж запряг коней и поехал в лес.

Невдалеке от леса дорога шла оврагом; он по этому оврагу проехал, а затем завалил дорогу деревьями и хворостом так, что никакой конь не мог по ней пробраться. Прибыв к лесу, он увидел, что остальные рабочие выезжают из леса с нагруженными возами и направляются домой; он и сказал им: «Поезжайте, поезжайте! Все же раньше меня не будете дома». Сам он далеко в лес не поехал, а вырвал с корнями два самых больших дерева, бросил их на телегу и повернул назад.

Когда он подъехал к завалу, остальные рабочие все еще стояли там со своими возами и не могли пробраться. «Вот видите, — сказал он, — кабы вы со мною остались, то вместе со мною могли бы и домой вернуться да еще лишний час поспать». Так как и его лошади не могли через завал пробраться, то он их

отпряг, положил и их на воз, сам взял дышло в руку, и разом перетащил воз через завал, словно воз перьями был нагружен. Перетащив свой воз, он обернулся и сказал другим рабочим: "Вот видите, я скорее вас пробрался! ".

Приехав во двор фольварка, он взял одно из деревьев в руку, показал его управляющему и сказал: «Тут в одном дереве добрая сажень будет». Управляющий поглядел и сказал своей жене: «Хорош этот детина! Хоть и дольше других спит, а раньше всех домой возвращается».

Так служил он у управляющего целый год; когда дошло до уплаты жалованья рабочим, то и наш молодец тоже сказал, что ему хотелось бы получить условленное вознаграждение. Управляющий же испугался не на шутку тех тумачков, которые ему предстояло получить, и стал его усердно просить, чтобы он ему те тумачки не давал, а за то он уступал ему свое место управляющего, а сам поступал к нему в рабочие.

«Нет, — сказал тот, — не хочу я быть управляющим; я — старший рабочий и хочу рабочим остаться, да желаю, чтобы и условие мое соблюдено было в точности». Управляющий откупался от него, чем тот пожелает, но все было напрасно, и молодец на все отвечал отказом. Тогда управляющий растерялся и просил дать ему двухнедельный срок на размышление. Молодец на это согласился. Вот собрал управляющий всех своих дельцов, чтобы они обдумали, как тут быть, и чтобы дали ему добрый совет. Дельцы долго раздумывали и наконец решили, что от этого детины всем грозит опасность и что ему человека убить — то же, что муху задавить. Они посоветовали, чтобы управляющий велел ему очистить колодец, а когда он туда влезет, они бросят в колодец жернов; тогда уж он верно живой оттуда не вылезет. Понравился этот совет управляющему, и наш молодец согласился в колодец лезть.

Когда он опустил на дно колодца, они скатили в колодец самый большой из жерновов, находившихся вблизи, и думали, что уж наверно у молодца голова окажется размозженной; но тот крикнул: «Отгоните кур прочь от колодца, а то они роются там наверху в песке, все глаза мне залепили». Управляющий и прикинулся, будто кур от колодца отгоняет, а молодец, покончив работу, вылез оттуда с жерновом на шее и сказал: «Посмотрите-ка, не правда ли, славное у меня ожерелье?» Тут опять-таки захотел он получить свое вознаграждение; но управляющий опять стал просить о двухнедельной отсрочке.

Снова собрались к нему дельцы и посоветовали, чтобы он отправил молодца на заколдованную мельницу: пусть ночью зерно смелет — оттуда-то еще ни один человек жив поутру не возвращался. Предложение понравилось

управляющему; он позвал молодца в тот же вечер и велел ему свезти на мельницу восемь четвертей ржи, да в ночь и смолоть их.

Пошел молодец в амбар, засунул две четверти в правый карман да две же — в левый, а четыре четверти в перекидном мешке взвалил себе на грудь и на плечи и с этим грузом потащился на заколдованную мельницу.

Мельник сказал ему, что днем он может молоть, а ночью мельница заколдована, и всех, кто туда входил, утром находили мертвыми. Молодец отвечал ему: «Ну, уж я как-нибудь улажусь; ступайте отсюда да ложитесь спать». Затем он пошел на мельницу, засыпал зерно и стал его молоть. Часов около одиннадцати вечера он вошел в комнату мельника.

Вдруг открылись двери настежь, и в комнату вкатился большущий стол, а на том столе сами собою поставились вина и всякие вкусные блюда, и никого кругом не было видно, кто бы те блюда на стол подавал. А потом и стулья сами собою придвинулись к столу, хотя людей и не было, и только уже после разглядел он там чьи-то руки, которые распоряжались ножами и вилками и раскладывали кушанье.

Молодец был голоден, увидел кушанья, тоже уселся за стол, принялся за еду и наелся всласть. Когда он насытился, да и другие тоже очистили блюда свои, он явственно услышал, как кто-то задул все свечи; в комнате стало темно, и вдруг он ощутил на щеке своей нечто вроде оплеухи. «Ну, если еще что-нибудь подобное повторится, — крикнул он, — тогда ведь и я в долгу не останусь!» Получив вторую оплеуху, он и сам стал раздавать их направо и налево. И так продолжалось всю ночь; он ничего не спускал своим невидимым противникам и щедро воздавал им за то, что от них получал. На рассвете все прекратилось разом.

Когда мельник поднялся с постели, то пошел взглянуть на молодца и очень удивился тому, что молодец еще жив. А тот и говорит: «Я досыта наелся, много оплеух получил, да немало и сам их роздал». Мельник был очень обрадован этим, сказал, что теперь, верно, мельница от всякого колдовства освободится, и охотно предлагал ему большую денежную награду. Но тот отвечал: «Денег мне не надо, у меня всего вдоволь». Потом взвалил муку на спину, отправился домой и сказал управляющему, что вот он все исполнил по его приказу, а теперь желал бы получить условленную плату. Когда управляющий это услышал, тогда-то его настоящий страх обуял: он не мог успокоиться, стал ходить взад и вперед по комнате, и пот крупными каплями катился у него со лба. Чтобы немножко освежиться, он открыл окно, но

прежде чем успел остеречься, наш молодец дал ему такого пинка, что он через окно вылетел на воздух, взвился вверх и из глаз совсем скрылся.

Тогда молодец обратился к жене управляющего и сказал: «Коли он не вернется, так следующий тумак тебе останется». Та воскликнула: «Нет, нет, я этого не выдержу!» — и тоже открыла было другое окно, потому что и у ней тоже холодный пот проступал от страха на лбу. Тогда он и ей дал пинка, и она тоже от того пинка через окошко вверх взлетела, и еще выше своего мужа, потому что была легче его.

Муж-то кричит ей на лету: «Спускайся ко мне», — а она ему: «Нет, ты поднимайся ко мне, я к тебе не могу спуститься». Так они и носились по воздуху, и ни один к другому приблизиться не мог, да, пожалуй, и теперь все еще носятся...

А наш молодец взял свою железную палицу и пошел себе домой.